

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-2/391-410

Научная статья

© Т. В. Барановская

УСТОЙЧИВОСТЬ ГАБИТУСА КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ К. Ф. БАРАНОВСКОГО)

В статье представлено исследование адаптационных стратегий белорусского дворянства в переломный период социально-политических трансформаций XX в. через анализ единичного случая (Case Study) — реконструирование биографии представителя сословия. Исследование выполнено с привлечением биографического, историко-генетического и сравнительного методов на основании формально-биографических, нарративных источников и документов личного происхождения. Методологически причины и последствия выбора адаптационных стратегий анализируются в русле институционального подхода и теории поля. Отмечается, что спектр вариантов адаптационного поведения изучаемого сословия связан с габитусом социальной группы белорусских дворян. Раскрываются социально-исторические особенности формирования сословия, ценностные ориентации и традиции, заложенные в диспозиции габитуса этой группы и усвоенные в период социализации ее представителями. Революционно изменившаяся в XX в. институциональная структура вызвала фрустрацию и социальную дезадаптацию белорусского дворянства. Реализуемые поведенческие стратегии нередко приводили к снижению качества жизни, статусных и экономических позиций, ставили под угрозу физическое выживание. Доказывается, что одной из причин выбора белорусскими дворянами нерациональных адаптационных стратегий является диалектическое противоречие между интериоризированными в других институциональных условиях диспозициями габитуса и новой институциональной реальностью. В ситуации выбора это приводило к доминированию традиций над рациональностью. Особенности габитуса белорусских дворян анализируются как факторы, ограничивающие возможности адаптационных стратегий представителей сословия к кардинально изменившейся социальной среде. Раскрываются факторы и условия, способствовавшие восстановлению рационального восприятия в условиях вынужденной адаптации.

Ключевые слова: белорусское дворянство, польско-литовская шляхта, габитус, адаптация, институциональные трансформации

Ссылка при цитировании: Барановская Т. В. Устойчивость габитуса как фактор адаптации национального дворянства Российской империи на рубеже XIX–XX веков (на примере биографии К. Ф. Барановского) // Вестник антропологии. 2026. № 2. С. 391–410.

Барановская Татьяна Вячеславовна — д. социолог. н., ученый секретарь, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Российская федерация, 119333 Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1). Эл. почта: btv20100404@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4528-0814>

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-2/391-410

Original article

© *Tatiana Baranovskaia*

RESILIENCE OF SOCIAL HABITUS AS AN ADAPTATION FACTOR AMONG THE ETHNIC NOBILITY IN THE RUSSIAN EMPIRE (LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY): EVIDENCE FROM THE BIOGRAPHY OF K. F. BARANOVSKY

This article presents a study of the adaptation strategies employed by the Belarusian nobility during the turning point of socio-political transformations of the 20th century through the analysis of a single case study — reconstructing the biography of this class' representative. The study was conducted using biographical, historical, and comparative methods based on formal biographical and narrative sources and personal documents. Methodologically, the causes and consequences of the chosen adaptation strategies are analyzed within the framework of the institutional approach and field theory. It is noted that the range of adaptive behavior options of the Belarussian noble class is linked to the habitus of this social group. The author reveals the social aspects of its history, value orientations and traditions embedded in the disposition of this group's habitus. The revolutionary institutional structure of the 20th century led to frustration and social maladjustment among the Belarusian nobility. The behavioral strategies they implemented often resulted in a decline in quality of life, status, and economic position, and jeopardized their physical survival. One reason why irrational adaptation strategies were chosen by Belarusian nobles is the dialectical contradiction between the habitus dispositions internalized in other institutional conditions and the new institutional reality. In a situation of choice, this led to the dominance of tradition over rationality. The paper analyzes the habitus of the Belarusian nobility as a factor limiting the adaptive strategies of members of the class to the radically changed social environment. It also reveals the factors and conditions that contributed to the restoration of rational perception in the context of forced adaptation.

Keywords: *Belarusian nobility, Polish-Lithuanian gentry, habitus, adaptation, institutional transformations*

Author Info: **Baranovskaia, Tatiana V.** — Doctor of Sociology, Scientific Secretary, Chief Researcher, Institute of Socio-Political Research, the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: bvt20100404@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4528-0814>

For citation: Baranovskaia, T. V. 2026. Resilience of Social Habitus as an Adaptation Factor among the Ethnic Nobility in the Russian Empire (Late 19th — Early 20th Century): Evidence from the Biography of K. F. Baranovsky. *Herald of Anthropology* 2: 391–410.

Введение

Изменения, сопровождающие общественное развитие, обуславливают непроходящую актуальность вопросов адаптации, изучение которых способствует пониманию

социальных процессов, механизмов взаимодействия индивидов и групп с окружающей социальной средой. Адаптационные стратегии демонстрируют, как различные социальные группы реагируют на изменения, приспосабливаются к новым условиям, стремясь к сохранению своей идентичности и социальной устойчивости (Корель 2005; Морозова 2009; Smit 2006). В фокусе внимания исследователей нередко оказывается адаптация социальных элит, как особых групп, обладающих высоким статусом, имеющих наибольшее влияние на экономическую, культурную и политическую жизнь общества, определяющих тем самым его развитие (Крыштановская 2004).

Исследования адаптационных стратегий в социально-исторической ретроспективе, когда отдельные биографии рассматриваются вплетенными в социально-политическую ткань того или иного исторического периода дают возможность не только фиксировать и интерпретировать события и поступки, но и рассмотреть их реальные последствия и результат (Karacan 2019; Bornat, Wengraf 2000). При этом стратегии, выбираемые в период социальных потрясений и глобальных преобразований, с наибольшей ясностью дают представления об истинных и глубинных ценностях и чертах личности или группы, которые в повседневной размеренной жизни могли иметь латентный характер (Аврамова 1997; Hall 2006: 114–122).

В этом ключе научно значимым объектом исследования представляется социальная группа белорусского дворянства в период конца XIX — начала XX в. Актуальность исследования стратегий адаптации этой социальной группы обусловлена не только важностью изучения социально-культурных и исторических факторов, формировавших особенности социальной элиты Беларуси. С исследовательских позиций стратегии адаптации белорусского дворянства к значимым социально-политическим изменениям вызывают интерес из-за ряда его особенностей. В большинстве случаев представители белорусской элиты являлись потомками польско-литовской шляхты и по многим позициям сохраняли шляхетские традиции, что вызывало неодобрение российских властей, стремившихся ограничить независимость «былой шляхты» (Трояновский 2018). В XX в. к этой диспозиции добавились политические репрессии по признаку дворянского происхождения и владения собственностью при официальной отмене сословий, что вывело значимость формирования адекватных стратегий адаптации бывших дворян на экзистенциальный уровень.

Белорусское дворянство изучалось преимущественно в аспектах истории сословия (Лютая 2015; Макарэвич 2018), локальной культуры и быта (Луговцова 2019; Елизарова 2009). Много работ посвящено разбору шляхты после вхождения земель в состав Российской империи и политической активности белорусских дворян (Макарэвич 2018; Zejmis 1999; Шимукович 2020). Вместе с тем особенности формирования и реализация адаптационных стратегий белорусского дворянства оставалась за пределами научных интересов.

Инструментом объективного анализа «социального в индивидуальном» могут служить отдельные биографии (Бурдьё 2007) белорусских дворян — потомков польско-литовской шляхты, реконструкция которых позволит взглянуть на социальную группу белорусских дворян через призму адаптации. Целью представленной статьи является анализ адаптационных стратегий белорусского дворянства (на примере биографии Константина Фотьевича Барановского), реализуемых им в XX в., когда древние традиции местного дворянства и реальная социально-политическая жизнь вошли в максимальное противоречие.

Адаптация в эпоху институционального сдвига

Содержательное направление всем последующим многочисленным определениям социальной адаптации дал Э. Дюркгейм, связав ее с принятием *господствующей* общественной морали, системы норм, ценностей, которое находит проявление в мыслях, целях и деяниях (Дюркгейм 1995: 95). Одно из наиболее полных современных определений предлагает Л. В. Корель, согласно которому социальная адаптация есть состояние приспособления или процесс приспособливания социальной системы (личности, социальной группы, общности) к внутренним и внешним изменениям, происходящим путем изменения социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения реальности (Корель 2005).

Стратегии адаптации к социальным изменениям можно определить как совокупность целенаправленных действий и подходов, направленных на приспособление к новым условиям, вызванным социальными, экономическими, политическими или культурными трансформациями. Это процесс, в котором индивиды или группы изменяют свое поведение, мышление и взгляды для успешного функционирования в изменившейся среде. Первичное расхождение в выборе стратегии адаптации обычно проходит по критерию активность / пассивность. При активной адаптации индивид занимает позицию актора, пытающегося изменить саму среду и свое положение в ней. Пассивная адаптация предполагает приспособление к среде без активного воздействия, смирение ради безопасности, комфорта и избежания конфликтов (Шабанова 1995: 82–86). Важно отметить, что процесс адаптации непрерывен и динамичен, поэтому результат адаптации не бывает окончательным (Янин 2002).

В условиях стабильного развития индивидуальные и групповые взаимодействия с социальной средой выстраиваются постепенно. Но при резком и кризисном характере изменений общественного развития революционно трансформируются и социальные институты. Радикальные социальные преобразования становятся факторами фрустрационного воздействия, заставляя людей искать способы не только выживания, но и сохранения своей идентичности (Двойникова 2017). Адаптация в таких условиях часто имеет вынужденный характер, когда сформированные в прежних институциональных условиях ценности и традиции вступают в противоречие с новыми доминирующими представлениями и нормами. Представители белорусского дворянства, вынужденные адаптироваться к революционным институциональным преобразованиям, столкнулись именно с такими противоречиями. Их естественное стремление к рациональному выбору (Coleman 1986: 1310–1315) жизненных стратегий ограничивалось с одной стороны новыми институциональными рамками, а с другой — старыми традициями.

Поэтому в рамках нашего исследования релевантным представляется обращение к институциональным теориям, и главным образом, к неоинституциональному подходу, предлагающему чрезвычайно широкое понимание категории «институт», которое охватывает не только социальные, экономические и политические структуры, но и любые устойчиво воспроизводимые социальные практики, включая нормы и традиции. Неоинституциональный подход рассматривает источники и причины трансформации поведения и целеполагания не на уровне индивидуальных акторов, а в более широком институциональном окружении (Türk 2000: 126–130). Такая перспектива радикально переосмысливает проблему рациональности поведения человека: с одной стороны,

акторы выступают как носители «интенциональной рациональности» (Simon 1997: 216–218), то есть *им следовало бы действовать рационально*, однако в действительности их представления о рациональности формируются под влиянием институциональной среды, которая включает в себя нормы, традиции и прочие глубоко укорененные практики. В результате степень видимой рациональности поведения определяется не столько тем, насколько выбранная стратегия соответствует *объективным условиям*, сколько тем, насколько она соответствует *институциональным ожиданиям, традициям и привычкам* данной определенной институциональной среды.

Значимой теоретико-методологической особенностью неинституционального подхода для исследования адаптационных стратегий в период радикальных социально-политических трансформаций является его акцент на роли и значении политических институтов. Каждый член общества признается включенным в определенную политико-институциональную матрицу своего государства. В этой матрице люди, испытывая влияние социально-политических и социально-экономических факторов, вынуждены адаптироваться к политическим нормам, требованиям и решениям, формирующим рамочные условия их деятельности (DiMaggio, Powell 1983).

Спектр адаптивных практик человека в значительной степени связан с его габитусом — системой устойчивых диспозиций, приобретённых схем, привычек, вкусов и убеждений, усвоенных человеком от своей социальной среды. Интериоризация социальных отношений формирует «практические схемы» поведения человека, которые впоследствии реализуясь индивидом, обуславливают экстериоризацию тех объективных структур, при которых они возникли. Таким образом, габитус служит одним из механизмов реализации и укрепления институциональной структуры, обеспечивая воспроизводство социальных институтов.

Формируя восприятие, мышление и установки, релевантные для определенной социальной среды, выполняя роль «посредника» между социумом и агентом, габитус адаптирует человека к определенному виду социальных отношений — к тому, в котором проходила его социализация. При этом габитус генерирует не только внутренние установки и схемы поведения, но и инкорпорирует их, реализует в телесности, что проявляется в речи, манерах, движениях, выдающих происхождение габитуса, «вписывая» индивида в социальную структуру своего времени и облегчая коммуникации.

Однако будучи продуктом определенных объективных закономерностей, габитус стремится порождать разумные способы поведения, допустимые в рамках этих и только этих закономерностей (Бурдые 1998: 46–48). Если же по каким-то причинам диспозиции габитуса оказываются более устойчивыми и долговечными, чем социальные отношения, с которыми этот габитус был диалектически связан, начинают производиться практики, дезадаптивные для новых условий. Человек или социальная группа оказываются неприспособленными к новым социальным отношениям, испытывая фрустрацию. В этом случае поиск выгоды через адаптационные стратегии по рациональным критериям сталкивается с препятствием — сформированным в других социальных условиях габитусом. Именно с такой ситуацией столкнулось белорусское дворянство и некоторые другие социальные группы после революционных социальных трансформаций 1917 года.

Безусловно, в течение жизни габитус агента может трансформироваться. Однако это чрезвычайно сложная задача, требующая большой внутренней рефлексии и самоана-

лиза через осознание того, что некоторые поведенческие схемы или установки больше не могут быть обоснованы в новых условиях. Но будучи приобретенным в период социализации, габитус защищен от изменений отбором новой информации через отрицание той информации, которая способна поставить под сомнение сформированные диспозиции. Этим объясняется необычайно высокая устойчивость габитуса, который при выборе стратегий в изменившейся социальной среде продолжает доминировать над рациональностью и выгодой, превращая адаптационные стратегии в дезадаптационные.

В составе общей социальной группы, например, дворянского сословия определённой территории, габитусы связаны отношениями «гомологии в рамках гомогенности», когда имеющиеся индивидуальные различия не нарушают фундаментальной основы общего происхождения (*Шматко* 1998: 68–69). То есть персональный габитус является вариантом группового габитуса, а жизненная траектория индивида может быть определена как частный случай социальной траектории его группы (*Бурдые* 1998). Сходство габитуса определяет сходство образа мышления, чувств, действий, адаптационных стратегий представителей одного класса. Поэтому габитус допустимо рассматривать как некую предопределенность, одной из основных детерминант которой является *история группы*, к которой принадлежит индивид (*Козлова* 1996).

Белорусское дворянство: формирование габитуса

Адаптационные стратегии представителей белорусского дворянства в значительной степени предопределялись устойчивыми диспозициями габитуса их социальной группы, сформированными в особых социально-исторических условиях. Большая часть белорусских дворянских родов происходила из *польско-литовской шляхты* — привилегированного сословия Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой (*Sahanovic* 2022). «Золотая вольность», демократия и привилегии невиданного уровня, практически самые широкие права аристократии в Европе, которые когда-то завоевали предки представителей шляхетских родов, стали основой для формирования традиций и ценностей. Ценности свободы и солидарности, гордость принадлежностью к роду, уважительное отношение к собственному мнению и готовность его отстаивать, чувство собственного достоинства — эти качества акцентировано передавались шляхетским потомкам. Шляхетство определяло ведущий социальный статус и являлось основным критерием самоидентификации его представителей (*Тумилович* 1995; *Елизарова* 2009: 174).

К базовым ценностям шляхты относилось владение землей. Земли было принято покупать поблизости от тех, которыми род уже владел: так было проще реализовывать другие базовые диспозиции шляхты — кооперацию и солидарность (*Rostworowski* 1987: 21–26). Матримониальные традиции предполагали браки только между «своими» — представителями шляхетских родов (*Луговцова* 2018). С этими установками была связана чрезвычайно *низкая географическая мобильность* белорусских дворянских (шляхетских) родов, представители которых проживали на одной территории сотни лет (*Тумилович* 1995). Исключая для себя экстенсивный путь развития, шляхта старалась изменить среду в соответствии со своими целями, что проявлялось активным участием в политической жизни, а также особенностями быта — образованием *особых дворянских сельских поселений* (*Трояновский* 2018).

Положение шляхты кардинально изменилось при вхождении западных земель в Российскую империю после окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 г. Помимо многочисленности западного привилегированного сословия российское правительство столкнулось с другими особенностями этой социальной группы — самобытными культурными и политическими традициями. Началось проведение мероприятий по «разбору шляхты»¹, в результате которых часть шляхты была официально введена в российское дворянство, но десятки тысяч шляхтичей, которые не смогли определенным образом доказать знатное происхождение, были переведены в низшие сословия (Лютая 2015). Давление на шляхетское сословие приводило к восстаниям, восстания — к репрессиям и усилению давления.

Оставаясь официально привилегированным сословием, белорусское дворянство маркировалось царской властью как «ненадежное» и опасное с соответствующими как формальными, так и фактическими ограничениями и репрессивными мероприятиями (Sikorska-Kulesza 1995). Уже с конца XVIII в. начался процесс *экономической деградации* (Шимукович 2020: 111–119) этой социальной группы, который затронул многие белорусские дворянские семьи, особенно относящиеся к бывшей мелкопоместной шляхте. Пострадал и *образовательный потенциал* белорусского дворянства (Rychlikowa 1988). После шляхетских восстаний 30–60-х гг. XIX в. был закрыт ряд учебных заведений на территории западных губерний (Sikorska-Kulesza 1995).

Совокупность этих факторов при акцентуированной гордости происхождением, обостренном самолюбии «былой шляхты» и ее привязанности к земле стала фоном формирования габитуса и основой дальнейшего взаимодействия белорусских дворян с внешней средой. Можно сказать, что адаптационные стратегии представителей сословия в период Российской империи могут служить примером доминирования диспозиций габитуса над рациональностью и социально-экономической выгодой. Несмотря на изменение условий, белорусское дворянство, ограничиваемое диспозициями своего чрезвычайно устойчивого габитуса, *продолжало воспроизводить и укреплять привычные паттерны, замыкаясь в своей микросреде* (Трояновский 2018). Обедневшие дворяне повторяли стратегии предков, продолжая жить на тех же землях, но часто уже как арендаторы, передавая потомкам не только прежние ценности и установки, но уже и бедность. При этом без изменений сохранялись традиции проживания дворян отдельными поселениями и матримониальные ограничения — браки по-прежнему заключались только внутри сословия, что способствовало устойчивости и усилению диспозиций габитуса социальной группы. Интересно, что при улучшении экономического положения и посредством кооперации нескольких представителей родов практиковалось создание новых дворянских (шляхетских) поселения (Елизарова 2009).

После вхождения белорусских земель в виде БССР в состав СССР в 1922 г. для теперь уже бывших представителей белорусского дворянства наступили еще более темные времена. В первой четверти XX в. многие дворяне, особенно из обедневших шляхетских родов включились в активную борьбу за независимость Беларуси, став ключевыми участниками белорусского националистического движения (Zejmis 1999: 390–395). Соответственно, актуализировалась и тема социальной опасности

¹ Разбор шляхты — это комплекс мероприятий по подтверждению представителями шляхетских родов дворянского статуса на землях бывшей Речи Посполитой, с целью ввести представителей местного привилегированного класса в сословное устройство Российской империи, сократив их численность. Процедура включала проверку родословных и целый ряд других бюрократических процедур.

для власти «былой шляхты». Кроме того, сама принадлежность к бывшему привилегированному классу, владение землей и некоторыми средствами производства теперь были причиной раскулачивания. Иными словами, к надвигающейся волне репрессивных мероприятий эти люди оказались в первых рядах.

Однако основные диспозиции габитуса потомков шляхетских родов вновь продемонстрировали чрезвычайно высокую устойчивость, несмотря на теперь уже опасно и кардинально изменившуюся среду. Адаптационные стратегии многих бывших дворян, особенно потомков бывшей застенковой шляхты снова выстраивались с опорой на сохранение на бытовом, культурном и ценностном уровнях старых традиций, несмотря на возросшие риски и преследования. К примеру, и спустя годы после революционных преобразований браки между представителями «былой шляхты» и других бывших сословий оставались исключением. Известны случаи, когда в Сибири, сосланные уже в период репрессий XX в. белорусские дворяне, при первой возможности создавали свои отдельные поселения-застенки (*Токть, Крих* 2012).

В новых, драматичных для них условиях XX в. белорусское дворянство снова и снова формировало свой микромир по старым лекалам. Большинство из них не пытались скрыться, даже когда арестовывали их родственников и соседей. Репрессивной машине они не доставили никаких проблем: они были на своих местах, ожидая своей очереди. И пожалуй, это было единственное их реализовавшееся ожидание. Большинство бывших дворян Беларуси были высланы в Сибирь (*Токть, Крих* 2012). Фундаментальная для них клановость была естественно разрушена географическими расстояниями. Но среди потомков дворянских родов, оставшихся на территории Беларуси, идентификация себя со шляхетством и шляхетские ценности оставались преобладающими вплоть до Второй мировой войны (*Шыбека* 2003).

Таким образом, адаптационные стратегии, выбираемые индивидом, во многом предопределяются габитусом социальной группы, к которой он принадлежит и внутри которой он социализировался. Особенно это касается социальных групп, длительно существующих с неизменными ценностями, закрытых для «не своих», самоидентификация представителей которых в первую очередь акцентировано связана с групповой принадлежностью. Белорусское дворянство было именно такой социальной общностью. Вместе с тем некоторые представители белорусского дворянства преодолевали доминирование отдельных диспозиций сословного габитуса. Обстоятельства, способствующие нетривиальным решениям и жизненные траектории, формирующиеся на их основе, информативны для раскрытия особенностей диалектической борьбы габитуса и изменившейся социальной среды.

Методология и метод

Основу методологии работы составляет биографический метод, который позволяет через призму индивидуальной судьбы реконструировать типичные адаптационные траектории белорусского дворянства в переломный исторический период (конец XIX — первая половина XX в.). Использование данного метода позволяет осуществить переход от макроисторических обобщений к «микроистории», фиксирующей механизмы самоопределения личности в условиях радикальной смены социально-политических парадигм. Вывод П. Бурдьё о биографии человека как инструменте объективного анализа социального в индивидуальном (*Бурдьё* 2007) обо-

сновывает применение биографического метода (Семенова, Рождественская 2016) для индукционного анализа, позволяя экстраполировать полученные выводы на социальную группу, в данном случае сословную группу белорусских дворян.

Объектом исследования является биография старшего сына дворянского (шляхетского) рода Барановских — Константина Фотьевича Барановского (13 мая 1878 — 1942) как репрезентативный пример эволюции представителя сословия.

Для реализации задач исследования был привлечен комплекс источников, дифференцированных по их функциональному назначению:

1. Формально-биографические источники:
 - Дела о дворянстве. Барановские. VI часть родословной книги. Минская губерния. РГИА Ф. 1343 Оп. 35 Д. 1102.
 - Дело Минского дворянского депутатского собрания о дворянском происхождении рода Барановских. Первоначальное определение депутатского собрания от 28 февраля 1816 года. Указ правительствующего Сената об утверждении от 17 ноября 1839 года № 1204. НИАРБ. Ф. 319. Оп. 2. Д. 117.
 - Материалы периодической печати: «Минские епархиальные ведомости» № 19 за 1888 г., № 14 за 1893 г. и № 24 за 1897 г. (документы об образовании).
2. Документы советского периода (социально-трудовая репрезентация):
 - Списки учителей Слуцкого округа за 1924–1926 гг. (ГАМн. Ф. 23. Оп. 3. Д. 5).
 - Выписки из протоколов заседаний райисполкома, переписка с инспектором народного просвещения округа о подготовке к учебному году, списки школ и преподавателей района за 1928–1929 гг. (ГАМн. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 86).
3. Источники личного происхождения (Его-документы):
 - Автобиография сына Константина Фотьевича — Федора Константиновича Барановского.
 - Заявление К. Ф. Барановского о переезде в Слуцкий районный исполнительный комитет (ГАМн. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 86).
4. Нарративные источники:
 - Литературная запись воспоминаний и свидетельств эпохи: тетралогия А. С. Василевич «Подожди, удержишься...» (Мн.: «Мастацкая літаратура», 1975).

В работе использованы методы историко-генетического и сравнительного анализа, позволившие сопоставить официальные анкетные сведения с личными свидетельствами для выявления стратегий социальной мимикрии и сохранения сословных традиций в новой реальности. Данное исследование ограничено форматом Case Study (анализ единичного случая). Несмотря на типичность многих этапов биографии К. Ф. Барановского, его стратегии адаптации могут не в полной мере отражать опыт дворянства других регионов или слоев (например, более состоятельных или, напротив, деклассированных элементов)

Константин Барановский: происхождение и образование

Константина Фотьевича Барановского можно отнести к типичным представителям белорусского дворянства по признакам происхождения, места и условий проживания, семейных традиций и ценностей. Он принадлежал к дворянскому роду Барановских герба «Остоя» (Гербоўнік 2007) внесенному в Шестую часть Дворянской

родословной книги «Древние благородные роды», 10 поколение (РГИА: Л. 1–11). Его род был известен в Речи Посполитой с 1583 г., когда Денис Барановский, приближенный Слуцкого князя Юрия Олельковича, получил лично от князя особый статусный документ «Привилей» и 5 волок¹ земли в с. Мащицы (НИАРБ). С тех времен род Барановских был защищен клейтоном шляхетности. Сын Дениса, Максим Барановский, был командующим ротой элитной кавалерии, так называемыми «крылатыми гусарами». Последующие поколения Барановских в Речи Посполитой продолжали укреплять социальное и экономическое положение семьи.

После вхождения территорий в состав Российской империи род Барановских в точности повторил историю большинства шляхетских родов, описанную выше. Род беднел, а его представители оставались в Слуцком уезде, проживая обособленно в дворянских поселениях — «застенках», по соседству с людьми аналогичного происхождения и судьбы.

Константин Фотьевич Барановский родился 13 мая 1878 г. в застенке Мащицы (том самом, подаренном Слуцким князем в 1583 г.) и был старшим ребенком в семье Фотия Федоровича и Анны Ивановны Барановских. Его мать происходила из древнего дворянского (шляхетского) рода Перегудов герба Сас. Вскоре семья переехала в застенок (деревню) *Липники*, который в 1870 г. основали Барановские совместно со своими товарищами и постоянными соседями — Неронскими и Гуриновичами.

В 1887 г. Константин был принят в Слуцкое духовное училище, которое окончил в 1893 г., а затем поступил в Минскую духовную семинарию — богословское высшее учебное заведение (Мин. епарх. ведом. 1, 2). Выбор духовного образования не был связан с планированием церковной карьеры, а скорее, как раз с отсутствием выбора — на территории Беларуси других образовательных учреждений, кроме богословских не было.

Родительская семья

У Константина было семь братьев и сестер, и, хотя у его отца — Фотия Федоровича — в собственности была земля (около 30 га), материальное положение семьи было скромным. У Фотия Федоровича были наемные работники. Но насколько можно судить по воспоминаниям, он и сам с энтузиазмом участвовал в сельскохозяйственных работах.

Фотий Федорович реализовывал те же жизненные стратегии, что и его отец, и отец его отца — жить так, словно ничего во внешнем мире не происходит, а есть немного земли, правильная семья, солидарность со своими и шляхетская гордость. Главное же, чем запомнился и увековечил свое имя Фотий Федорович, это выкопанный им местный пруд — «Фотова яма» — так местность рядом с Липниками называется до сих пор. Однако правила и ценности, эффективные для Речи Посполитой вековой давности, в новом времени привели семью к материальному упадку. «Фотова яма», выкопанная вручную в преддверии XX в., не принесла экономического результата, как и другие устаревшие идеи Фотия.

Константин Фотьевич, закончив свое обучение, не стремился к сельской жизни. Он однозначно был привлекаем отцом к сельскому хозяйству, в частности, к выкапы-

¹ Воло́ка — единица измерения площади, равная 21,36 га. Следовательно, князь Олелькович пожаловал Денису Барановскому 106 га земли.

ванию знаменитой «ямы», что вероятно, усилило для него привлекательные стороны умственного труда. Поэтому он стал работать учителем в местной церковно-приходской (Долгиничской) школе (Мин. епарх. ведом. 3), несмотря на крайне низкую оплату такого труда.

Саратов

Точную дату женитьбы Константина установить не удалось. Однако по датам рождения его детей можно предположить, что Константин был типичным «шляхетским женихом», то есть заключил брак довольно поздно, в возрасте около 30 лет. Женой Константина Фотьевича Барановского стала *Ева-Владислава Иосифовна Карпинская*, происходившая из древнего польского рода Карпинских герба Кораб, первое упоминание о котором относится к 1446 г. Ева-Владислава запомнилась жителям Липников своим протестным настроем относительно принятых там традиций. А. Василевич¹ в своей автобиографической книге описала ее как «надменную, знавшую себе цену полячку» (Василевич, 1975: 215).

Поработав учителем в церковно-приходских школах в условиях продолжающейся бедности, Константин кардинально меняет жизнь — уезжает в Саратов. Близость по времени двух событий в его жизни — женитьбы и отъезда в Саратов — вряд ли была случайной. Без волевого сопровождения Евы-Владиславы с ее негативным отношением к жизни и быту в Липниках такой поступок, скорее всего, был бы неосуществим, ведь Константину нужно было преодолеть значительную «гравитацию», чтобы уехать из родных уже триста лет мест. Мест, в которых принято было оставаться, и оставались все члены семьи, не зависимо от качества жизни. Достоверно известно, что *с 1910 г., а возможно и значительно раньше, семья Константина Фотьевича проживала в Саратове. А сам он работал в Саратовском отделении Азовско-Донского банка.*

Без опоры на принцип историзма невозможно понять масштаба изменений в жизни Константина. Саратов в период конца XIX — начала XX в. триумфально входил в первую десятку флагманских российских городов. Быстрое развитие Саратова во второй половине XIX в. связывают со строительством в 1871 г. железной дороги, а также набирающим силу волжским судоходством. Стремительный подъем экономики способствовал культурному и социальному развитию города. Большим событием в культурной жизни города стала постройка в 1865 г. нового здания городского театра, одного из лучших в провинции. В 1885 г. в Саратове был открыт художественный музей — первый общедоступный художественный музей в Российской империи. В 1909 г. в Саратове открывается университет — десятый в России. В 1912 г. была открыта первая в российской провинции консерватория, третья в стране после московской и петербургской. Стремительно развивается в этот период в Саратове и банковская сфера. В Саратовском отделении Азовско-Донского коммерческого банка, располагавшемся в одном из самых красивых зданий в центре города, и стал работать Константин Фотьевич Барановский.

После работы учителем в сельских школах с крайне низким жалованьем в регионе, который по политическим причинам почти не развивался, Константин Фотьевич

¹ Алена Семеновна Василевич — белорусский писатель, лауреат государственной премии 1975 года за автобиографическую книгу «Подожди, задержись...». Ее дед — Григорий Жданович-Гуринович был одним из сооснователей деревни Липники. В книге описываются без изменения имен жизнь, традиции и отношения жителей деревни (застенка).

Барановский оказывается в одном из самых крупных, современных городов своего времени. У него теперь было высокое жалование и престижная работа «финансиста», как говорили в его семье. В этих благополучных условиях у Константина и Евы-Владиславы рождаются старшие сыновья.

Нетриумфальное возвращение

События 1917 г. завершили банковскую карьеру Константина. В конце того же года Азовско-Донской банк был закрыт. Теперь отсутствию работы и наступившей бедности сопутствовали новые факторы риска: «в анамнезе» были социальное происхождение из дворян и работа в банковской сфере. Фрустрирующая ситуация актуализировала для него традиционные ценности его социальной группы — держаться родных мест и «своих» людей. Из всех возможных вариантов Константин выбирает *возвращение в родные места — в Липники*.

В реальности в Липниках и в более спокойные времена все перспективы были давно исчерпаны, кроме того, там было невозможно скрыть происхождение. Возвращение означало не только географический, но и статусный (Константин снова стал деревенским учителем) откат назад, только в еще более неблагоприятные и теперь опасные условия.

Его младший сын Федор родился в 1919 г. уже в Слуцке. В семейных архивах сохранилась автобиография Федора Константиновича, в которой он пишет:

«Родился в 1919 году 31 мая в семье учителя Константина Фотьевича. Учил он в то время где-то в Слуцком районе Белоруссии. Мать моя жила в самом городе Слуцке, где я и появился на свет».

Ева-Владислава, оставшись верной себе, в Липники больше не приезжала. Она жила отдельно, в Слуцке, пока ее муж работал учителем в школах Слуцкого района.

Сохранились архивные свидетельства, подтверждающие, что Константин Фотьевич в то время работал учителем, причем в нескольких школах поочередно. Интересно, что даже во времена НЭПа, когда сельское хозяйство могло вновь обеспечить не совсем бедную жизнь, а у него был свой небольшой дом в Липниках, Константин продолжал работать учителем в местных школах. Константин работал учителем в Старевской школе в 1925/26 учебном году, Працевичской — в 1926/27, Набушевской — в 1927/28 и 1928/29 гг. (ГАМн 1, ГАМн 2, ГАМн 3).

Старший из уже четверых сыновей Константина — Анатолий — с воодушевлением «принял советскую власть» и стал довольно заметной по местным меркам фигурой. А. Василевич в автобиографической работе «Подожди, задержись...» посвятила Анатолию отдельный небольшой рассказ «Толя». Вот как она описывает Анатолия:

«Посередине хаты стоит Толя. Кожаная куртка расстегнута, по синей косоворотке через плечо ремень, на груди слева, — маленький красный флажок — комсомольский значок... Толя высок, широкоплеч. Лицо смуглое. Гладкие волосы спадают на лоб темной прядью. На Толю обращены все взгляды...». И далее про его отца — Константина Фотьевича: «Я у отца был. Вы же сами знаете, учительствует он. Нынешний год в Стареве. Вот и я там был на заработках. ... Думаю пойти учиться. На отца рассчитывать не приходится. Еще и ему помогать надо» (Василевич 1975).

В главе «Толя» есть важная деталь, показывающая, как психологически ощущал себя Константин, вернувшись в родные места. Местная жительница говорит об Анатолии:

«У него в голове только и есть, что разные выдумки. Как и отец его, будет весь век мыкаться по свету...».

Работа Константина Фотьевича в коммерческом банке большого города была воспринята на родине как «мыкался по свету». После революции он потерял работу, деньги, перспективы, а вернувшись, был воспринят как «неудачник» людьми, никогда не видевшими трамвая.

Анатолий умер в 1927 г. В автобиографии младший сын Константина Фотьевича Федор пишет:

«В 1927 году мой брат Анатолий был послан партийной организацией на осушку болот в Любанский район БССР. Там он заболел брюшным тифом и умер в том же году. С тех пор отец продал свой маленький домик и совсем ушел вместе со мной из своей деревни. Год прожили мы в школе в другой деревне, где он работал».

Смерть Анатолия стала потрясением для его родителей и точкой в истории восприятия Липников как надежного тыла. *Стратегия возвращения на родину предков потерпела крах.*

Брянск: новая жизнь

Новую семейную стратегию выживания, связанную с повторным и окончательным расставанием с Липниками, Слуцком и Белоруссией стала выстраивать жена Константина — «надменная полячка» *Ева-Владислава*. В Брянске жил ее родной брат Вацлав Иосифович (Осипович) Карпинский, который после революции работал ветеринарным врачом на городском мясокомбинате. К Вацлаву в Брянск стали поочередно, по достижении ими совершеннолетия, отправлять своих сыновей (Аркадия и Георгия) Константин и Ева.

Из автобиографии Федора Константиновича:

«Мой старший брат Аркадий уехал в Брянск, где жил в то время наш дядя Карпинский В. О. Он его принял на первое время к себе в дом. Когда же Аркадий, устроился на работу, женился, получил хорошую квартиру, то и второй брат Георгий приехал к нему и тоже стал работать на том же заводе им. Урицкого. Через некоторое время в зиму 28/29 годов и мой отец, оставил работу в Беларуси и вместе со мной и матерью перебрались к сыновьям».

Алгоритм действий для обоих старших сыновей — Аркадия и Георгия — был общим. *Приехать к родственнику — устроиться на большой завод рабочим — в статусе рабочего поступать учиться дальше, совмещая работу и учебу.* Происхождение было скрыто, трудовые биографии братья начинали как пролетарии. Аркадий начинал слесарем, Георгий — токарем. Оба — на вагоностроительном заводе имени Урицкого. Братья были на хорошем счету на заводе. Правильная биография позволила Аркадию поступить на курсы начальников нормировочных отделов, а Георгию — в открывшийся в 1929 г. Бежицкий машиностроительный институт.

В 1929 г. к сыновьям переехали их родители — Константин с женой и младшим сыном Федором. Сохранились документы, показывающие, как официально обосновывал свой отъезд в Брянск Константин Фотьевич (ГАМн 2).

«В Слуцкий районный исполнительный комитет
учителя Костуся Барановского

Заявление

При нахождении райинспектора просвещения т. Крицкого в Набушево 15.02.1929 г. я уведомил его о неотложной надобности для меня выехать в Брянскую губернию, чтобы помочь срочно своему сыну Георгию поднять своё общее образование в промежутки между его работай на металлзаводе и в вечерней рабочей школе, в слушателя которой мой сын слабо подготовлен. Получив согласие т. Крицкого на увольнение меня с должности заведующего Набушевской школой я передал ему письменное заявление, в которой по вышеупомянутому мотиву просил заместить меня и уволить с должности, 28 февраля в Слуцком РИК я напомнил т. Крицкому о поиске мне заместителя и, в частности, указывал на Антона Корзуна, который вёл договорную 5-ю группу в Набушеве и прекрасно заменял меня, 24 февраля я предупреждал, что к 1 марта меня нужно будет заместить, а если не будет заместителя, то временно я сдам школу Антону Корзуну. Так вышло. 1-го марта я передал имущество школы Антону Корзуну, а 3 марта передал деловоду РИК т. Кендышу приёмно-сдаточную ведомость по Набушевской школе и взяв удостоверение личности поехал в Брянскую губернию, т.к. из-за отсутствия т. райинспектора просвещения, не мог получить документа о работе и об увольнении. 13-го марта из города Брянска я просил его составить и прислать мне такую справку, что:

- 1) я с 1919 г. работал учителем разных школ бывшего Слуцкого округа, а теперь района.
- 2) что в последнее время с 1927 г. находился на должности учителя Набушевской школы, с которой уволен по заявлению на основе переезда по семейным причинам в Брянскую губернию.
- 3) что членом профсоюза просвещения числюсь с 1921 г. (билет №1353).
- 4) что выходного пособия не получал.

Если до сих пор РИКом для меня справка о работе не послана, то этим прошу составить и прислать мне удостоверение о работе и увольнении».

Сохранилась и справка об оплате труда:

«Справка дана т. Барановскому Константину Фотиеву в том, что его зарплата будучи учителем в Набушевской школе Слуцкого района выражалась в следующем: с января по октябрь месяцы 1928 г. по 44 руб. в месяц, с октября по январь 1929 г. по 46 рублей и с января по март 1929 г. по 50 руб., что и удостоверяется».

В приведенных текстах документов привлекает внимание дата. Константин Барановский навсегда уехал из Липников 3 марта 1929 г. За период с 1929 по 1938 г. один за другим — все братья и сестры Константина Фотьевича подверглись аресту. Сестры с семьями были высланы в Сибирь, одна из сестер расстреляна. Братья отбывали заключение в лагерях. Получается, что Константин уехал всего за несколько недель или возможно, дней до начала массовых арестов и ссылок жителей Липников и почти всех его родственников.

Конечно, и в Брянске не было спокойно. По доносу был арестован Вацлав Карпинский. Он пробыл в тюрьме год, после чего был освобожден вместе с проходившими по тому же делу другими ветврачами в связи с отсутствием состава преступления.

Но самого Константина Фотьеви́ча в Брянске никто не знал. На новом месте он, как это следует из автобиографии Федора Константиновича, снова

«учительствовал, был директором начальной школы в поселке Крыловка в Брянском районе. А затем вышел на пенсию. Но отдохнув около года, вновь устроился на работу, но уже не учителем, а бухгалтером в самом городе Брянске».

Помнили ли о Константине в Липниках? Протоколы допросов НКВД арестованных родственников Константина отвечают на этот вопрос положительно. Его пытались найти, но не смогли. О его новом месте проживания родственники не знали. Константин Фотьеви́ч Барановский исчез для всех — и для друзей, и для недоброжелателей.

Из воспоминаний его потомков следует, что Константин для своих детей создал альтернативную историю семьи. Дети и внуки всех трех его сыновей дословно воспроизводили одну и ту же короткую, без подробностей, версию: «Константин Фотьеви́ч был учителем. Да, он был из дворян. Но это было пожалованное дворянство, которое присвоили ему перед самой революцией за заслуги». При этом «пожалованное» произносилось как «второсортное, не совсем настоящее». В создании этой «безопасной» истории семьи довольно причудливо отразились шляхетские ценности: древность рода, когда-то главный предмет гордости — вот что пытался в первую очередь скрыть от потомков Константин, решив, что менее престижное (личное, а не древнее потомственное) дворянство влечет меньше рисков.

Умер Константин Фотьеви́ч в 1942 г. в возрасте 64 лет по удивительному совпадению в Саратовской области, где когда-то провел свои лучшие годы. Брянский завод имени Урицкого, на котором в начале войны работал начальником отдела их сын Аркадий, эвакуировали в тыл, в г. Энгельс Саратовской области. С сыном в эвакуацию отправились и его родители — Константин и Ева-Владислава. Со своей семьей из Липников Константин больше не общался.

Обсуждение и заключение

Реконструкция и анализ адаптационных стратегий К. Ф. Барановского к изменяющейся среде подтверждает релевантность обращения при подобного рода исследованиях к выводам неинституциональных теорий, делающих акцент на влиянии институционального окружения на решения актора, и теории поля П. Бурдьё. Рассматриваемый кейс представляет ситуацию, при которой институциональная рамка подверглась резкой и кардинальной трансформации, а габитус социальной группы белорусского дворянства, типичным представителем которой являлся объект исследования, имел чрезвычайно высокую устойчивость, обусловленную особенностями истории формирования сословия. Поэтому на примере адаптационных стратегий К. Ф. Барановского в переломный исторический период XX в. можно видеть не только вынужденный характер адаптации белорусского дворянства, но и диалектическую борьбу интериоризированных в других институциональных условиях диспозиций габитуса и новой социально-политической реальности. Ценности, традиции, установки, поведенческие паттерны социальной группы белорусских дворян, «не

успевшие» трансформироваться вслед за стремительно формировавшимися новыми институциональными рамками, способствовали генерации дезадаптивных поведенческих стратегий и решений, при которых устаревшие диспозиции габитуса доминировали над рациональностью.

Кроме того, пример адаптационных стратегий К. Ф. Барановского позволяет видеть, что фрустрирующая социально-политическая ситуация актуализирует старые диспозиции: несмотря на то, что еще до наступления переломных социально-политических событий объект исследования преодолел «гравитацию» традиций, маргинализирующих географическую мобильность, первые же препятствия стали для него пусковым механизмом реверсивности, в его случае приведшим к статусной и экономической инволюции. То есть традиции рода продолжали оказывать влияние и в ситуации, казалось бы, свершившегося их отвержения, что дополняет и усиливает уже имеющиеся выводы о высокой сохранности традиций «былой шляхты».

Вместе с тем результаты исследования подтверждают заключения о непрерывном характере адаптации. На осознание нерациональности возвращения у К. Ф. Барановского ушло около десяти лет. Однако со второй попытки при организационной и психологической поддержке жены сформировалось решение ориентироваться на реальность, которая в родных местах не оставляла ему шансов.

Исследование показало высокую степень предопределенности выбора стратегий адаптации чрезвычайно устойчивым габитусом сословия. В то же время реконструированная биография представителя белорусского дворянства демонстрирует не только институциональные и личностные барьеры адекватной адаптации к изменившейся реальности, но также и саму возможность их преодоления.

Источники и материалы

- НИАРБ — Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 319. Оп. 2. Д. 117.
РГИА Л. 1–11 — Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 1102. Л. 2–11.
ГАМн 1 — Государственный архив Минской области. Ф. 23. Оп. 3. Д. 5. Л. 1.
ГАМн 2 — Государственный архив Минской области. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 39. Л. 25об.
ГАМн 3 — Государственный архив Минской области. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 86. Л. 5об., 193.
Гербоўнік 2007 — Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 2. Б. / С. Рыбчонак [і інш.]. Мінск: НАРБ, 2007. 672 с.
Мин. епарх. ведом. 1 — Минские епархиальные ведомости. 1888. № 19 // <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/88/ec/88ec4a35-304d-4e12-9374-e887a698353f.pdf#15> (дата обращения: 01.11.2025).
Мин. епарх. ведом. 2 — Минские епархиальные ведомости. 1893. № 14 // <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/86/e4/86e4f361-bb64-4aee-b56d-4edcf02bea98.pdf#21> (дата обращения: 01.11.2025).
Мин. епарх. ведом. 3 — Минские епархиальные ведомости. 1897. № 24 // <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/c5/a6/c5a6a31e-135b-4bf0-95b5-cf808de04bc0.pdf#28> (дата обращения: 01.11.2025).
Василевич 1975 — *Василевич А. С.* Подожди, задержись... Тетралогия. Минск: «Маст. Лит.», 1975.

Научная литература

- Аврамова Е. М., Дискин И. Е.* Адаптация населения и элит // *Общественные науки и современность.* 1997. № 1. С. 24–33.

- Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
- Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44–59.
- Двойникова Е. Ю. Социально-психологическая адаптация личности в период глобальных политических и экономических преобразований общества // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5. №3. <http://mir-nauki.com/PDF/60PSMN317.pdf>
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
- Елизарова Г. В. Исторические особенности генезиса менталитета белорусской шляхты // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы VI междунар. науч. конф. Гомель, 2009. С. 173–175.
- Козлова Н. Н. Введение в социальную антропологию. М.: Ин-т молодежи, 1996. 142 с.
- Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
- Крыштановская О. В. Современные концепции политической элиты // Мир России. 2004. № 4. С. 3–39.
- Луговцова С. Л. К вопросу о брачной структуре белорусской шляхты в первой четверти XIX в. // Гістарыяграфія і крыніцы вывучэння гісторыі Беларусі: традыцыі і навацыі. Мінск: Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, 2018. С. 112–120.
- Луговцова С. Л. Лепельская шляхта на рубеже XVIII–XIX вв. // Журнал БГУ. История. 2019. № 2. С. 47–56.
- Лютая А. Э. Интеграция шляхты белорусских земель в дворянское сословие Российской империи (1772–1914 гг.): историография проблемы // Весці БДПУ. Серыя 2. 2015. № 2. С. 52–60.
- Макарэвіч В. С. Разбор шляхты ў беларускіх губернях Расійскай імперыі. Мінск: БГУ, 2018. 315 с.
- Морозова З. С. Социальная адаптация как социологическая категория // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 1. С. 362–368.
- Семенова В. В., Рожественская Е. Ю. Социобиографический подход // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 3. С. 143–164.
- Токть С. М., Крих А. А. Минская шляхта в Беларуси и Сибири // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 315–321.
- Трояновский К. В. Политика Российской империи в отношении беспоместной шляхты западных губерний. 1795–1870 гг.: дисс. ... канд.ист.наук. СПбГУ, 2018. 237 с. <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/ycG9ptychX.pdf>
- Тумилович Г. Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII — первой половине XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1995. 23 с.
- Шабанова М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 81–89.
- Шимукович С. Ф. Элиты белорусского региона в политической и социальной жизни Российской империи XIX века // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. Т. 40. № 4. С. 110–128.
- Шматко Н. А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. Т. 1. С. 60–70.
- Шыбека З. В. Нарыс гісторыі Беларусі. 1795–2002. Минск: Энцыклапедыкс, 2003. 490 с.
- Янин Г. И. Диагностика процессов организованной адаптации и технологии их оптимизации. М.: ИНФРА, 2002. 208 с.
- Bornat J., Wengraf T. The Turn to Biographical Methods in Social Science // The Turn to Biographical Methods in Social Science / ed. by P. Chamberlayne. Abingdon: Taylor & Francis, 2000. P. 1–30.
- Coleman J. S. Social Theory, Social Research, and a Theory of Action // American Journal of Sociology. 1986. No. 91. P. 1309–1335. <https://doi.org/10.1086/228423>

- DiMaggio P. J., Powell W. W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press, 1983. P. 63–82.
- Hall B. P. Values Shift: A Guide to Personal and Organizational Transformation. Eugene: Wipf & Stock, 2006. 298 p.
- Karacan E. An Analysis of Biographies in Collective Memory Research: The Method of Socio-Historical Analysis // *Qualitative Sociology Review*. 2019. Vol. 15. № 3. P. 94–109. <https://doi.org/10.18778/1733-8077.15.3.05>
- Rostworowski E. Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty? // *Kwartalnik Historyczny*. 1987. R. XCIV. № 3. S. 3–40.
- Rychlikowa I. Deklasacja drobnej szlachty polskiej w Cesarstwie Rosyjskim // *Przegląd Historyczny*. Warszawa, 1988. R. LXXIX. Z. 1. S. 121–147.
- Sahanovic H. On the Historical Foundations of Belarusian Identity // *Ricerche slavistiche*. Nuova serie. 2022. Vol. 5 (65). P. 340–370.
- Sikorska-Kulesza J. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku. Warszawa: Ajaks, 1995. 115 s.
- Simon H. A. Administrative Behavior. New York: Free Press, 1997. 368 p.
- Smit B., Wandel J. Adaptation, Adaptive Capacity and Vulnerability // *Global Environmental Change*. 2006. Vol. 16 (3). P. 282–292. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2006.03.008>
- Türk K. Organisation als Institution der kapitalistischen Gesellschaftsformation // *Theorien der Organisation* / Hrsg. G. Ortmann et al. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2000. S. 124–176.
- Zejmis J. Belarusian National Historiography and the Grand Duchy of Lithuania as a Belarusian state // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 1999. Vol. 48 (3). P. 383–396.

References

- Avraamova, E. M., and I. E. Diskin. 1997. Adaptatsiia naseleniia i elit [Adaptation of the Population and Elites]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 1: 24–33.
- Bornat, J., and T. Wengraf. 2000. The Turn to Biographical Methods in Social Science. In *The Turn to Biographical Methods in Social Science*, ed. by P. Chamberlayne. Abingdon: Taylor & Francis. 1–30.
- Bourdieu, P. 1998. Struktura, gabitus, praktika [Structures, Habitus, Practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 1(2): 44–49.
- Bourdieu, P. 2007. *Sotsiologičeskaia sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteiia. 288 p.
- Coleman, J. S. 1986. Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *American Journal of Sociology* 91: 1309–1335. <https://doi.org/10.1086/228423>
- DiMaggio, P. J., and W. W. Powell. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. In *The New Institutionalism in Organizational Analysis*, ed. by P. J. DiMaggio and W. W. Powell. Chicago: University of Chicago Press. 63–82.
- Durkheim, É. 1995. *Sotsiologičeskaia. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Moscow: Kanon. 352 p.
- Dvoiknikova, E. Yu. 2017. Sotsial'no-psichologičeskaia adaptatsiia lichnosti v period global'nykh političeskikh i ekonomičeskikh preobrazovanii obshchestva [Socio-Psychological Adaptation of the Individual During Periods of Global Social Transformation]. *Internet-zhurnal "Mir nauki"* 5(3): 44–59.
- Elizarova, G. V. 2009. Istoricheskie osobennosti genezisa mentaliteta belorusskoi shliakhty [Historical Features of the Genesis of the Mentality of the Belarusian Nobility]. In *Mentalitet slavian i integratsionnye protsessy: istoriia, sovremennost', perspektivy: materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Slavic Mentality and Integration Processes: History, Present, Prospects: Proceedings of the VI International Scientific Conference]. Gomel'. 173–175.

- Hall, B. P. 2006. *Values Shift: A Guide to Personal and Organizational Transformation*. Eugene: Wipf & Stock. 298 p.
- Karacan, E. 2019. An Analysis of Biographies in Collective Memory Research: The Method of Socio-Historical Analysis. *Qualitative Sociology Review* 15(3): 94–109. <https://doi.org/10.18778/1733-8077.15.3.05>
- Korel, L. V. 2005. *Sotsiologiya adaptatsii: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of Adaptations: Issues of Theory, Methodology and Methods]. Novosibirsk: Nauka. 424 p.
- Kozlova, N. N. 1996. *Vvedenie v sotsial'nuiu antropologiyu* [Introduction to Social Anthropology]. Moscow: Institut molodezhi. 142 p.
- Kryshtanovskaya, O. V. 2004. Sovremennye kontseptsii politicheskoy elity i rossiyskaia praktika [Contemporary Concepts of Political Elites and Russian Practice]. *Mir Rossii* 4: 3–39.
- Lugovtsova, S. L. 2018. K voprosu o brachnoi strukture belorusskoi shliakhty v pervoi chetverti XIX v. [On the Marital Structure of the Belarusian Nobility in the First Quarter of the 19th Century]. In *Gistaryyagrafiya i krynicy vyvuchennya gistoryi Belarusi: tradycyi i navacyi* [Historiography and Sources for Studying the History of Belarus: Traditions and Innovations]. Minsk: Natsionalnaia akademiia navuk Belarusi, Institut gistoryi. 112–120.
- Lugovtsova, S. L. 2019. Lepel'skaia shliakhta na rubezhe XVIII–XIX vv. [The Lepel Nobility at the Turn of the 18th–19th Centuries]. *Zhurnal BGU. Istorii* 2: 47–56.
- Lutaya, A. E. 2015. Integratsiia shliakhty belorusskikh zemel' v dvorianskoe soslovie Rossiiskoi imperii (1772–1914 gg.): istoriografiiya problemy [Integration of the Nobility of Belarusian Lands into the Nobility of the Russian Empire (1772–1914): A Historiographical Review]. *Vesti BDPU. Seriya 2* 2: 52–60.
- Makarevich, V. S. 2018. *Razbor shliakhty u belorusskikh guberniakh Rossiiskoi imperii* [Verification of Noble Status in the Belarusian Provinces of the Russian Empire]. Minsk: BGU. 315 p.
- Morozova, Z. S. 2009. Sotsial'naiya adaptatsiia kak sotsiologicheskaiya kategoriya [Social Adaptation as a Social Phenomenon and Sociological Category]. *Sotsial'no gumanitarnye znaniia* 1: 362–368.
- Rostworowski, E. 1987. Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty? [How Many Noble Citizens Were There in the Polish–Lithuanian Commonwealth?]. *Kwartalnik Historyczny* R. XCIV 3: 3–40.
- Rychlikowa, I. 1988. Deklasacja drobnej szlachty polskiej w Cesarstwie Rosyjskim [The Declassing of the Petty Polish Nobility in the Russian Empire]. *Przegląd Historyczny* R. LXXIX 1: 121–147.
- Sahanovic, H. 2022. On the Historical Foundations of Belarusian Identity. *Ricerche slavistiche Nuova serie* 5(65): 340–370.
- Semenova, V. V., and E. Yu. Rozhdestvenskaya. 2016. Sotsiobiograficheskiy podkhod k izucheniiu sotsial'noi mobil'nosti [The Sociobiographical Approach to the Study of Social Mobility]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 22(3): 143–164.
- Shabanova, M. A. 1995. Sotsial'naiya adaptatsiia v kontekste svobody [Social Adaptation in the Context of Freedom]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 7: 81–89.
- Shimkovich, S. F. 2020. Elity belorusskogo regiona v politicheskoi i sotsial'noi zhizni Rossiiskoi imperii XIX veka [Elites of the Belarusian Region in the Political and Social Life of the Russian Empire in the 19th Century]. *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* 40(4): 110–128.
- Shmatko, N. A. 1998. “Gabitus” v strukture sotsiologicheskoi teorii [“Habitus” in the Structure of Sociological Theory]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 1(2): 60–70.
- Shybeka, Z. V. 2003. *Narys gistoryi Belarusi. 1795–2002* [An Outline of the History of Belarus, 1795–2002]. Minsk: Encyklopedyys. 490 p.
- Sikorska-Kulesza, J. 1995. *Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Bialorusi w XIX wieku* [The Declassing of the Petty Nobility in Lithuania and Belarus in the 19th Century]. Warszawa: Ajaks. 115 p.
- Simon, H. A. 1997. *Administrative Behavior*. New York: Free Press. 368 p.
- Smit, B., and J. Wandel. 2006. Adaptation, Adaptive Capacity and Vulnerability. *Global*

- Environmental Change* 16(3): 282–292. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2006.03.008>
- Tokt, S. M., and A. A. Krikh. 2012. Minskaya shliakhta v Belarusi i Sibiri [The Minsk Nobility in Belarus and Siberia]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2: 315–321.
- Troyanovskiy, K. V. 2018. *Politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii bespomestnoi shliakhty zapadnykh gubernii. 1795–1870 gg.* [The Policy of the Russian Empire Toward Landless Nobility of the Western Provinces]. Ph.D. diss., Saint Petersburg State University. 237 p. <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/ycG9ptychX.pdf>
- Tumilovich, G. N. 1995. *Dvorianstvo Belorussii v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v.* [The Nobility of Belarus in the late 18th — first half of the 19th Century]. Ph.D. diss. abstract, Minsk. 23 p.
- Türk, K. 2000. Organisation als Institution der kapitalistischen Gesellschaftsformation [Organization as an Institution of Capitalist Social Formation]. *Theorien der Organisation*, ed. by G. Ortmann et al. Opladen: Westdeutscher Verlag. 124–176.
- Yanin, G. I. 2002. *Diagnostika protsessov organizovannoi adaptatsii i tekhnologii ikh optimizatsii* [Diagnostics of Organized Adaptation Processes and Technologies for their Optimization]. Moscow: INFRA. 208 p.
- Zejmis, J. 1999. Belarusian National Historiography and the Grand Duchy of Lithuania as a Belarusian State. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung* 48(3): 383–396.